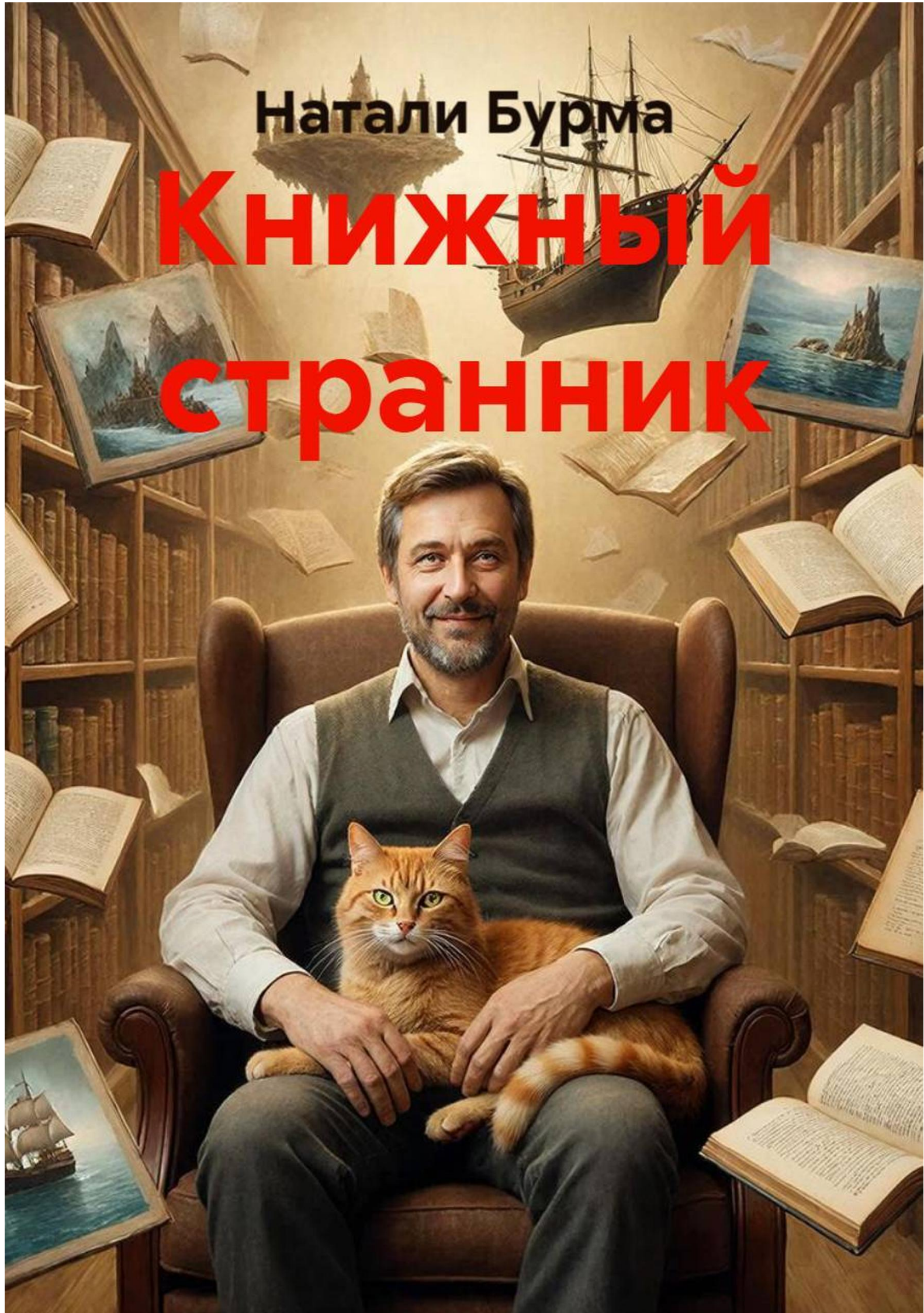

Натали Бурма

Книжный странник

Попаданцы

Натали Бурма

Книжный странник

«Автор»

2026

Бурма Н.

Книжный странник / Н. Бурма — «Автор», 2026 — (Попаданцы)

Однажды тихий библиотекарь находит книгу без названия. Стоит прочитать вслух одну фразу - и ты уже стоишь на пыльной дороге среди берёз. Так начинаются путешествия, которые изменят всё. Впереди - десятки миров: город, где сто лет длится одно 31 декабря, а жители - забытые игрушки; мир, где люди носят книги вместо душ; дом, где живут те, кого вычеркнули авторы - включая мальчика, которым Виктор Павлович мог бы стать. Каждое путешествие - шаг к себе. Пять лет назад умер его рыжий кот Бонифаций. Или только казалось? Кот оставляет подсказки - рыжие волоски в спичечном коробке - и ведёт хозяина через миры. Чтобы встретиться вновь, Виктору Павловичу придётся заново собрать себя: научиться верить, прощать, чувствовать. Любовь сильнее смерти, но её нельзя забрать - можно только заслужить, пройдя путь. Тёплая история о том, что преданность ждёт вечность, а чудеса - между строк. Иногда, чтобы обрести счастье, нужно просто открыть книгу и стать собой.

© Бурма Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог: Тихий человек на улице Вязов	5
Глава 1: Хроники забытых губерний	12
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Натали Бурма

Книжный странник

Пролог: Тихий человек на улице Вязов

Посвящается Бонифацию, прожившему семнадцать лет и ни разу не поймавшему мышь, потому что был занят более важными делами - например, лежанием на свежих газетах

Улица Вязов начиналась от старой водонапорной башни и заканчивалась тупиком, упираясь в железнодорожную насыпь. В этом тупике, в самом его конце, где уже не росли вязы - одни только тощие тополя, пережившие все мыслимые и немыслимые ураганы, - стояло здание городской библиотеки имени Салтыкова-Щедрина. Здание было дореволюционной постройки, с толстыми стенами, высокими потолками и такими глубокими подоконниками, что на них можно было лежать, свернувшись калачиком, если ты, конечно, кот. Или библиотекарь, решивший вздремнуть в обеденный перерыв.

Библиотекаря звали Виктор Павлович. Было ему шестьдесят три года, из которых тридцать пять он проработал здесь, в библиотеке. Начиная ещё при Советском Союзе, когда книги выдавали по формулярам, а читатели писали требования на специальных бланках. Пережил девяностые, когда библиотеку топили два раза, а книги из подвала спасали всем миром - носили ведрами, сушили на верёвках во дворе, как бельё. Пережил нулевые с их компьютерами и интернетом, когда все вдруг решили, что бумажная книга умрёт. Не умерла. И он не умер. И библиотека не умерла - выстояла, как те тополя за окном, корявая, облупившаяся, но живая.

В то утро, с которого начинается эта история, Виктор Павлович проснулся в половине седьмого, как всегда. Посидел на кровати, привыкая к новому дню. За окном было серо - то ли поздняя осень, то ли ранняя зима, середина ноября, когда уже выпал снег, но ещё не замёрз, и всё вокруг было мокрым, хлюпающим, неопределённым. Он надел халат, вышел на кухню, поставил чайник. На столе, стояла фотография в деревянной рамке. Рыжий кот сидел на стопке книг и смотрел в объектив с тем выражением, какое бывает у котов, которым надоело позировать, но они терпят ради хозяина. Бонифаций. Боня. Семнадцать лет - по кошачьим меркам почти век. Он умер пять лет назад, тихо, во сне, как и положено праведнику. Виктор Павлович не заводил другого кота. Не потому, что не мог - просто казалось, что это будет предательством. Боня был не просто котом. Боня был частью жизни, частью квартиры, частью вечеров, когда Виктор Павлович читал вслух, а кот лежал у него на коленях и щурился на лампу.

- Доброе утро, - сказал Виктор Павлович фотографии по привычке.

Чайник закипел. Он заварил чай - обычный, чёрный, без сахара, потому что сахар врач запретил ещё пять лет назад, а Боне было всё равно, с сахаром или без. Сел за стол, отхлебнул. За окном прошла женщина с собакой - пудель в смешном комбинезоне. Потом проехала машина, разбрызгивая слякоть. Потом начался мелкий дождь со снегом. Обычное утро обычного человека в обычном городе, каких тысячи по этой стране.

Библиотека встречала его запахом. Это был особенный запах, который Виктор Павлович перестал замечать лет через пять работы, а потом, когда однажды уехал в отпуск к сестре в другой город, вдруг понял, что скучает именно по нему. Запах старой бумаги, библиотечной пыли, типографской краски и ещё чего-то неуловимого - то ли клея, которым когда-то подклеивали книги, то ли дерева, из которого сделаны стеллажи, то ли просто времени, остановившегося здесь много лет назад и так и не решившего, куда двигаться дальше.

- Виктор Павлович, здравствуйте!

Из-за стойки высунулась голова Леночки - молодой библиотекариши, которая работала здесь всего три года и всё ещё удивлялась, что люди читают книги. Леночка была хорошей девушкой, но, по мнению Виктора Павловича, слишком шумной. Она носила яркие свитера, громко разговаривала по телефону и постоянно что-то жевала.

- Здравствуй, Лена.

- А у нас пополнение! Из района привезли. Целых пять коробок. Я в подсобку поставила. Там такое... - Она закатила глаза, что должно было означать либо восторг, либо ужас. С Леночкой никогда нельзя было понять сразу.

- Что именно?

- Книги. Старые. Из какой-то школы, которую закрыли. Там и учебники, и художественная литература, и вообще... В общем, вы посмотрите. Может, что-то оставим, а что-то сразу на списание.

Виктор Павлович вздохнул. Разбор новых поступлений был его любимым делом и одновременно самым грустным. Любимым - потому что можно было перебирать книги, листать их, чувствовать под пальцами шершавые страницы. Грустным - потому что половина привезённого отправлялась в макулатуру. Не потому, что книги были плохими, а потому что их никто не читал. Школьные библиотеки закрывались по всей области, и книги, простоявшие на полках по сорок лет, оказывались никому не нужны.

Он прошёл в подсобку. Пять картонных коробок, заклеенных скотчем, стояли у стены. Виктор Павлович снял пальто, повесил на крючок, достал канцелярский нож и вскрыл первую коробку.

Сверху лежали учебники. Физика за восьмой класс, 1978 год. Алгебра за шестой, 1982-й. «Родная речь» за третий, с портретами Ленина и Сталина на форзаце - видимо, очень старая, ещё сталинских времён. Он отложил учебники в сторону - это сразу в макулатуру, кому сейчас нужна физика сорокалетней давности. Под учебниками оказались книги. Тонкие брошюры из серии «Библиотека приключений», собрания сочинений забытых писателей, несколько детективов Донцовой в мягких обложках - это уже девяностые, видимо, школа покупала что-то для старшеклассников.

Виктор Павлович работал медленно, вдумчиво. Каждую книгу он осматривал, проверял состояние переплёта, заглядывал на последнюю страницу - не вырезан ли штамп. Некоторые он откладывал в стопку «на подумать» - может, и возьмёт кто-нибудь. Большинство отправлял во вторую стопку - «в макулатуру».

Третья коробка оказалась самой интересной. Здесь лежали книги явно из чьего-то личного собрания - их подклеили, прежде чем отдать в школу, а может, и в школе подклеивали. Виктор Павлович нашёл дореволюционное издание стихов Некрасова с ятями, «Историю государства Российского» в трёх томах, сильно потрёпанную, и несколько книг на иностранных языках - немецком, французском. Это, пожалуй, стоило оставить. Может, краеведческий музей заинтересуется.

Он уже почти закончил, когда на дне коробки, под слоем газет, которыми когда-то перекладывали книги, обнаружил последнюю. Она была в тёмном переплёте - коленкоровом, как говорили раньше, тёмно-зелёном, почти чёрном. Без названия на корешке. Без каких-либо опознавательных знаков вообще. Виктор Павлович взял её в руки - книга была тяжёлой, плотной, с хорошей бумагой. Открыл титульный лист - пусто. Ни названия, ни автора, ни года издания. Только внизу, едва заметно, выцветший библиотечный штамп: «Списано».

- Странно, - сказал он вслух.

Леночка заглянула в подсобку:

- Что там?

- Да вот, книга без названия. Откуда она?

- А я откуда знаю? Я ж говорю, из школы привезли. Может, из каких-то спецхранов. Там же в советское время много чего было.

Виктор Павлович полистал книгу. Страницы были исписаны мелким шрифтом, без иллюстраций, сплошной текст. Он пробежал глазами по первой странице: «И был тот вечер тих, и шёл странник по дороге, и встретил старика, который сидел у обочины и плел лапти. И сказал старик: „Откуда ты, человеке? Не из нашего ли уезда?“ А странник ответил...»

- Похоже на что-то дореволюционное, - сказал Виктор Павлович. - Стилизация под девятнадцатый век.

- Оставляем?

- Оставляем. Надо будет в каталог внести. Пусть хоть под условным названием числится.

Он положил книгу на стол, поверх других «сомнительных», и продолжил разбор. Но книга не отпускала. Каждые несколько минут он ловил себя на том, что смотрит на неё, на этот тёмный переплёт, на потёртые уголки. Было в ней что-то... Он не мог подобрать слова. Что-то знакомое. Будто он уже держал её в руках, хотя точно видел впервые.

Обедал Виктор Павлович всегда в одно и то же время - с часу до двух. Леночка подменяла его на выдаче, а он уходил в подсобку, где стояли старенький диван, холодильник и электрический чайник. Обед был скромным: бутерброд с сыром, яблоко и чай. Он ел медленно, думая о своём. О том, что надо бы позвонить сестре, давно не звонил. О том, что крыша в библиотеке опять течёт, когда тает снег, - надо писать заявление в городскую управу. О том, что молодёжь перестала читать, а те, кто читает, читают всё больше электронное, и библиотеки скоро станут никому не нужны, как те школьные книжки из коробок.

После обеда он вернулся к разбору. Книга без названия по-прежнему лежала на столе. Он взял её, открыл наугад, прочитал несколько абзацев. Речь шла о каком-то уездном городе, о купцах, о ярмарке. Написано было живо, сочно, с деталями - чувствовалось, что автор знал, о чём пишет. Или очень хорошо изучил материал.

Виктор Павлович зачитался. Он не заметил, как стрелка часов перевалила за три, как Леночка заглядывала в подсобку и махала рукой - мол, я пошла, закрывайте сами. Он сидел за столом, перелистывал страницы и не мог оторваться. История была простая: странник идёт по губернии, встречает разных людей, слушает их истории, записывает в тетрадку. Но написано было так, что хотелось читать ещё и ещё.

- Надо же, - пробормотал он. - А ведь хорошая книга. Почему её не издавали?

Он дошёл до места, где странник останавливается на ночлег у старухи в избе. Старуха рассказывает ему про свою жизнь, про мужа, который утонул в реке, про детей, которые разъехались по городам, про кота, который у неё был - рыжий, ленивый, любил спать на печи. Виктор Павлович улыбнулся - про кота было написано тепло, с любовью. Он провёл пальцем по строке: «И был у неё кот, рыжий, как осенний лист, и глаза у него были зелёные, как незрелый крыжовник...» Мир вокруг дрогнул.

Виктор Павлович замер. Ему показалось, или комната действительно качнулась? Он поднял голову - подсобка была на месте: стол, диван, холодильник, стеллажи с книгами. Всё обычно. Но в ушах заложило, как в самолёте при взлёте. Он сглотнул - не прошло. Заложило сильнее. И тут он понял, что пахнет иначе. Раньше пахло библиотекой - бумагой, пылью, чуть-чуть кофе от Леночкиной кружки. Теперь пахло иначе. Сыростью, деревом, дымом - не сигаретным, а печным, берёзовым. И ещё чем-то, от чего защипало в носу: полынью. Так пахнет полынь в поле, если растереть листья между пальцами. Виктор Павлович моргнул. Он стоял на дороге. Не на асфальтовой дороге перед библиотекой, а на просёлочной, глинистой, размытой дождями. По краям росли берёзы - не тополя, а именно берёзы, белые, с облупившейся корой. Вдали виднелась колокольня - деревянная, старая, с покосившимся крестом. Солнце садилось, и было оно совсем не таким, как в ноябре в его городе: большое, красное, летнее. Виктор Павлович посмотрел на свои руки. В руках была книга. Та самая, без названия. Он открыл её -

пальцы дрожали - и прочитал: «И был тот вечер тих, и шёл странник по дороге, и встретил старика, который сидел у обочины и плел лапти». Он поднял голову. В двадцати шагах от него, на обочине, сидел старик. Настоящий, в лаптях, в домотканой рубаше, с седой бородой. Старик плел лапти - ловко так, быстро, пальцы мелькали. И смотрел на Виктора Павловича.

- Ты откуда такой взялся, мил-человек? - спросил старик. Голос у него был скрипучий, но добрый. - Не из нашего ли уезда?

Виктор Павлович открыл рот и закрыл. Открыл снова. Ни одного слова не пришло в голову. Он стоял посреди просёлочной дороги с книгой в руках, и смотрел на старика, плетущего лапти, и не мог понять - то ли он сошёл с ума, то ли уснул, то ли случилось что-то такое, чего не может быть, потому что не может быть никогда.

- Эй, - сказал старик. - Ты чего молчишь? Аль язык проглотил?

- Я... - голос Виктора Павловича прозвучал хрипло, чуждо. - Я из города.

- Из какого города? - старик прищурился. - Из губернского, что ли?

- Из... - Виктор Павлович понял, что не знает, как называется город, в котором он живёт, в терминах этого мира. - Из областного центра.

- Центра? - старик покачал головой. - Чудно говоришь. Центр... У нас центр - это уездный город, значит. А ты, я гляжу, одет чудно. И книжка в руках. Ты из книжных странников, что ли?

- Из каких?

- Из книжных. Есть такие, говорят, ходят по земле, книги читают. Не глазами читают, а кожей, значит. Кожей чувствуют, что в книге написано. Ты такой?

Виктор Павлович посмотрел на книгу. Потом на старика. Потом на дорогу, на берёзы, на колокольню вдалеке. Сердце колотилось где-то в горле.

- Я не знаю, - честно сказал он. - Я просто открыл книгу.

- Открыл книгу, - повторил старик. - И попал сюда? Бывает. Редко, но бывает. Я за свою жизнь только одного такого видел, лет сорок назад. Тоже книжный странник был. Пожил у нас с месяц, потом ушёл. В книгу свою и ушёл, говорят.

Виктор Павлович сделал шаг вперёд. Ноги слушались плохо - казалось, что земля под ними зыбкая, ненастоящая. Он подошёл ближе к старику, присел на корточки.

- Скажите... это сон?

- А ты щипни себя, - усмехнулся старик. - Коли проснёшься - значит сон. А коли нет - значит явь.

Виктор Павлович ущипнул себя за руку. Было больно. Очень больно. Он не проснулся.

- Не сон, - сказал он растерянно.

- Стало быть, не сон. Ты книгу-то закрой.

Виктор Павлович послушно закрыл книгу. Мир вокруг дрогнул снова - и он стоял в подсобке, за столом, среди коробок с макулатурой. За окном было темно - ноябрьские сумерки. Часы показывали половину шестого. Он сидел, тяжело дыша, и смотрел на книгу в своих руках. На тёмно-зелёном переплёте, там, где раньше ничего не было, проступили буквы. Золотым тиснением, чуть потускневшим от времени, было выведено: «Хроники забытых губерний».

- Ничего себе, - сказал Виктор Павлович в пустоту подсобки.

Он не помнил, как закрыл библиотеку, как шёл домой, как открывал дверь. Очнулся уже на кухне, с чашкой остывшего чая в руках. Книга лежала на столе, рядом с фотографией Бонифация. Виктор Павлович смотрел то на книгу, то на кота, и в голове у него был полный хаос.

- Этого не может быть, - сказал он вслух. - Этого просто не может быть.

Но может или не может - оно было. Он был там. Он видел старика, дорогу, берёзы. Он чувствовал запах полыни. Он слышал, как скрипит телега где-то вдалеке. Всё это было слишком реальным для сна, слишком подробным, слишком... живым. Он открыл книгу на первой странице. Текст начинался именно с тех слов, которые он прочитал: «И был тот вечер тих, и

шёл странник по дороге...» Он пролистал дальше. История странника продолжалась. Тот ночевал у старухи, слушал про кота, потом пошёл дальше. Никакого старика, плетущего лапти, на обочине в книге не было. Старик появился только сейчас? Или Виктор Павлович просто пропустил эту сцену, читая?

- Если я закрываю книгу, я возвращаюсь, - проговорил он, пытаясь систематизировать. - Если открываю - попадаю туда. Но не на ту же страницу, а в начало? Или куда?

Он сидел так долго, пока чай совсем не остыл. Потом встал, налил новый, сел обратно. За окном стемнело окончательно. Соседи сверху топали - видимо, дети бегали. Где-то лаяла собака. Обычный вечер обычного города. И на столе - книга, открывающая двери в другие миры.

- Боня, - сказал Виктор Павлович, глядя на фотографию. - Ты бы что сказал?

Кот на фотографии молчал. Он всегда молчал, сколько Виктор Павлович его помнил. Даже когда был живым, он больше мурлыкал, чем мяукал. Говорливый кот из него был никакой. Зато понимающий - да. Боня понимал всё. Когда Виктор Павлович приходил с работы уставший, Боня ложился ему на колени и грел. Когда Виктор Павлович болел, Боня сидел рядом и не отходил ни на шаг. Когда Виктор Павлович читал вслух - а он любил читать вслух, особенно по вечерам, - Боня слушал. Щурился на лампу, слушал. И Виктору Павловичу казалось, что кот действительно понимает. Не слова, конечно, а что-то другое. Настроение. Тепло. Саму суть чтения.

- Что же мне делать, Боня? - спросил Виктор Павлович.

Боня молчал. Но Виктору Павловичу вдруг показалось - на одно мгновение, на грани восприятия, - что в комнате пахнет кошачьей шерстью. Тем самым запахом, который он забыл пять лет назад, но который помнил всю жизнь. Тёплым, чуть сладковатым, уютным. Он резко обернулся. Никого.

- Померещилось, - сказал он себе. - Перенервничал.

Но рука сама потянулась к книге. Он открыл её снова - на этот раз осторожно, как будто боясь, что она обожжёт. Перелистнул несколько страниц. Текст был тот же, что и днём. Ничего нового не появилось.

- Интересно, а если я сейчас... - пробормотал он и провёл пальцем по строке. Ничего не произошло. Он провёл ещё раз - опять ничего. Тогда он закрыл глаза и представил ту дорогу. Берёзы, колокольню, запах полыни. Открыл глаза - комната. Книга раскрыта.

- Значит, просто так не получается, - сказал он. - Нужно что-то ещё. Может, читать? Я же читал, когда попал туда в первый раз.

Он начал читать вслух. Тихо, почти шёпотом: «И шёл странник по дороге, и встретил старика...» Комната качнулась. Уши заложило. Запахло полыню. Виктор Павлович зажмурился и открыл глаза. Он стоял на той же дороге. Но старика на обочине не было. Вместо него стояла изба - та самая, где странник ночевал у старухи. Из трубы шёл дым. За избой начиналось поле, а за полем темнел лес.

- Сработало, - выдохнул Виктор Павлович.

Он сделал шаг, другой. Под ногами хлюпала глина - недавно прошёл дождь. В воздухе пахло мокрой травой и тем самым дымом. Из избы доносился женский голос - старуха, видимо, пела. Старуха пела старую песню, какую-то совсем древнюю, про речку, про горькую рябину, про тоску. Виктор Павлович подошёл ближе. Окно было открыто - застеклённое, но без рам, просто дыра в стене, затянутая чем-то прозрачным. Он заглянул внутрь. В избе было темно, только лампадка горела перед иконой. За столом сидела старуха - та самая, про которую он читал. Седая, сгорбленная, в платке. Она не пряла, не ткала, не готовила. Она просто сидела и смотрела на печь. А на печи, на тёплых кирпичках, свернувшись калачиком, спал рыжий кот. У Виктора Павловича перехватило дыхание. Кот был точно таким же, как Бонифаций. Тот же окрас - рыжий, с белыми пятнами на грудке и лапах. Те же уши - одно чуть надломленное,

потому что в детстве его покусали котята. Та же манера спать - поджав задние лапы и положив голову на передние.

- Не может быть, - прошептал он.

Старуха в избе обернулась на звук. Посмотрела прямо на него - сквозь окно, сквозь темноту, сквозь время. И улыбнулась беззубым ртом.

- Заходи, книжный человек, - сказала она. - Заходи, коли пришёл. Чай, не чужие.

Виктор Павлович вошёл в избу. Дверь была низкой, пришлось нагибаться. Внутри пахло хлебом, сушёными травами и ещё чем-то, отчего защипало в носу - то ли ладаном, то ли просто старушечьим домом, где живут долго и ничего не выбрасывают. Старуха сидела за столом и смотрела на него. Глаза у неё были светлые, почти белые - выцветшие от старости, но живые, цепкие.

- Садись, - сказала она, кивая на лавку. - Не бойся.

Виктор Павлович сел. Кот на печи пошевелился, но не проснулся. Только уши дёрнулись во сне.

- Это... - голос Виктора Павловича сорвался. - Это мой кот?

Старуха усмехнулась.

- Твой, не твой. Кто ж разберёт? Кот он и есть кот. Был у меня один, давно, ещё при муже. Рыжий, как этот. Потом помер. А этот, - она кивнула на печь, - этот сам пришёл. Года три назад. Явился, как из ниоткуда. Сидел на крыльце, ждал, пока впустят. Я и впустила. Думала, чей-то, потерялся. Ан нет, ничей. Так и живёт.

- Три года назад, - повторил Виктор Павлович. - А у меня он умер пять лет назад.

Старуха помолчала.

- Время здесь другое, - сказала она наконец. - Ты не ровняй. У нас год за два идёт, а то и за три. А по-вашему - пять.

- Он... он знает меня?

- А ты подойди, спроси.

Виктор Павлович встал. Ноги не слушались. Он сделал шаг к печи, другой. Кот не просыпался. Он подошёл совсем близко - и вдруг кот открыл глаза. Зелёные, как незрелый крыжовник. Те самые.

- Боня, - сказал Виктор Павлович шёпотом.

Кот смотрел на него. Не испуганно, не удивлённо. Спокойно. Так, как смотрел всегда, когда Виктор Павлович возвращался с работы и садился в кресло. Будто говорил: «Ну, пришёл? Давно пора».

- Боня, это ты?

Кот медленно поднялся, потянулся, прыгнул с печи. Подошёл к Виктору Павловичу, потёрся о ногу. Замурлыкал. Тем самым мурлыканьем, которое Виктор Павлович помнил все пять лет - низким, чуть хриловатым, утробным. Виктор Павлович присел на корточки. Протянул руку. Кот ткнулся носом в ладонь, лизнул палец. Шерсть была тёплой, живой, настоящей.

- Боня, - сказал Виктор Павлович, и голос его дрогнул. - Боня, мальчик мой...

Кот замурлыкал громче. И Виктор Павлович, пожилой библиотекарь, никогда не плававший даже на похоронах, вдруг почувствовал, как по щеке течёт слеза. Он не стеснялся её. Здесь, в этой избе, в этом странном мире, среди запахов хлеба и полыни, можно было всё.

- Ну будет, будет, - сказала старуха сзади. - Нашли друг друга - и ладно. Садитесь чай пить.

Они сидели за столом втроем: старуха, Виктор Павлович и Бонифаций, устроившийся у него на коленях. Чай был травяной, пах мятой и ещё чем-то незнакомым. Хлеб - чёрный, настоящий, такого в городе давно не пекли. Старуха рассказывала про свою жизнь, про мужа-рыбака, утонувшего в реке, про детей, уехавших в город и забывших мать, про войну, которую она помнила девочкой. Виктор Павлович слушал вполуха. Он гладил кота, и кот мурлыкал, и это было главным.

- Ты забирать его будешь? - спросила старуха под конец.

Виктор Павлович замер.

- Можно?

- А кто ж запретит? Кот не крепостной. Захочет - пойдёт, захочет - останется.

Виктор Павлович посмотрел на Бонифация. Тот спал у него на коленях - совершенно счастливый, расслабленный, домашний.

- Боня, - сказал он тихо. - Пойдёшь со мной?

Кот открыл один глаз. Посмотрел на Виктора Павловича. И снова закрыл.

- Это что значит? - растерялся Виктор Павлович.

- То и значит, - усмехнулась старуха. - Подумает пока. Кот - существо обстоятельное. Сразу не решает.

Виктор Павлович вздохнул. Посидел ещё немного, допил чай. Пора было возвращаться - уже поздно, да и неизвестно, сколько времени прошло в его мире. Он встал, бережно переложил кота на лавку. Тот не проснулся.

- Я приду ещё, - сказал Виктор Павлович. - Можно?

- Место не заказано, - ответила старуха. - Приходи. Книгу только не забывай.

Он вышел из избы, отошёл на несколько шагов, открыл книгу - и через мгновение стоял на своей кухне. Часы показывали половину одиннадцатого. Прошло всего четыре часа, хотя в том мире казалось, что прошёл целый день. На столе лежала книга. На фотографии сидел Бонифаций. А в комнате пахло кошачьей шерстью. Виктор Павлович улыбнулся и пошёл ставить чайник.

Ночью он не спал. Лежал на диване, смотрел в потолок и думал. Мысли путались, насккивали одна на другую. Книга. Мир. Кот. Живой кот. Бонифаций, которого он похоронил пять лет назад под старой яблоней на даче у сестры. Бонифаций, который сейчас спал на печи у какой-то старухи в мире, куда можно войти через книгу без названия.

- С ума сойти, - сказал он в потолок.

Потолок молчал. Соседи сверху тоже наконец утомнились - было уже за полночь. За окном шуршал снег с дождём. Обычная ночь обычного человека. Но Виктор Павлович уже не был обычным человеком. Он был человеком, который входил в книги. Который нашёл своего кота, умершего пять лет назад.

- Боня, - прошептал он. - Ты правда там? Ты правда меня помнишь?

Ответа не было. Но Виктор Павлович вдруг явственно ощутил на груди тяжесть - будто кот свернулся калачиком и греет. Так бывало раньше, когда Боня забирался на него ночью и мурлыкал, урчал, как маленький моторчик. Он протянул руку. Никого. Но тепло осталось.

- Я приду за тобой, - пообещал он. - Я обязательно приду.

И сам не заметил, как уснул. Впервые за долгие годы - без снов, спокойно, глубоко. С ощущением, что всё будет хорошо.

Утром он проснулся от будильника. Семь часов. За окном - серое небо, мокрый снег, слякоть. На столе - книга «Хроники забытых губерний» и фотография рыжего кота. Всё как обычно. Но когда Виктор Павлович пошёл умываться, он заметил на полу в прихожей маленький рыжий волосок. Один-единственный. Он наклонился, поднял его, поднёс к свету. Рыжий. Того самого оттенка.

- Здравствуй, Боня, - сказал он.

Глава 1: Хроники забытых губерний

Три дня Виктор Павлович не прикасался к книге. Он носил её с собой на работу и обратно, клал на тумбочку у кровати, брал за столom во время еды - но не открывал. Смотрел на тёмно-зелёный переплёт, на золотое тиснение «Хроники забытых губерний», на потёртые уголки - и не открывал.

Леночка удивлялась:

- Виктор Павлович, вы чего с этой книжкой как с писаной торбой? Влюбились, что ли?

- Вроде того, - отвечал он уклончиво.

Он и сам не мог объяснить, почему медлит. Страх? Нет, не страх. Скорее, благоговение. Как перед дверью, за которой - слишком много. Слишком важное. В прошлый раз он ворвался туда случайно, не подготовленный, не понимающий. Теперь он знал, что там - целый мир. И, главное, там - Боня. Боня, который спит на печи у старухи. Боня, который открыл глаза и посмотрел на него. Боня, который потёрся о ногу.

- Глупости, - говорил себе Виктор Павлович. - Этого не может быть. Я выдумал. Мне показалось. Старость, переутомление, галлюцинация.

Но рыжий волосок, который он так и не выбросил, лежал в спичечном коробке на полке. И пахло в квартире иногда кошачьей шерстью - отчётливо, явственно, будто Боня только что вышел из комнаты.

На третий день, в пятницу вечером, Виктор Павлович решился. Он сел за кухонный стол, налил чай - на всякий случай, для храбрости. Поставил рядом фотографию Бонифация. Открыл книгу на том месте, где остановился в прошлый раз - там, где странник ночевал у старухи.

- Ну, с Богом, - сказал он и начал читать вслух.

Мир качнулся. Уши заложило. Запахло полыньёю. Он открыл глаза и стоял посреди той же дороги. Но теперь было утро. Солнце только вставало из-за леса, роса блестела на траве, где-то далеко мычала корова. Изба старухи стояла на месте, но из трубы не шёл дым - видимо, старуха ещё спала.

Виктор Павлович подошёл к двери, постучал. Тишина. Постучал ещё раз - громче.

- Кого там несёт в такую рань? - раздалось изнутри сердитое.

Дверь открылась. Старуха была в том же платке, но уже одетая, собранная. Увидев Виктора Павловича, она всплеснула руками:

- А, книжный! Вернулся. А я уж думала, побрезгуешь, не придёшь.

- Здравствуйте, - сказал Виктор Павлович, чувствуя, как глупо звучит это обычное городское приветствие здесь, в избе девятнадцатого века. - Я за котом.

- За котом, - усмехнулась старуха. - А кот-то того... ушёл.

- Как ушёл? - сердце у Виктора Павловича оборвалось. - Куда?

- Известно куда - по делам кошачьим. Он тут не всё время на печи сидит. Он гуляет. К вечеру вернётся, небось. Ты заходи, коли пришёл. Чай пить будешь?

Виктор Павлович зашёл. Чай пить не хотелось - хотелось немедленно бежать искать Боню, звать его, кричать. Но старуха права: кот есть кот. Если он ушёл гулять, то вернётся, когда захочет. Боня всегда был таким - мог уйти на три дня, а потом явиться как ни в чём не бывало, будто и не пропадал.

- Садись, - старуха кивнула на лавку. - Рассказывай, кто таков, откуда, чего ищешь.

Виктор Павлович сел. Рассказывать было трудно - слишком многое пришлось бы объяснять. Про двадцать первый век, про библиотеку, про книги, которые стали не нужны. Но старуха слушала внимательно, кивала, будто понимала.

- Чудно, - сказала она, когда он закончил. - У нас тоже книги читают, да не так. У нас книга - это жизнь. Без книги человек - пустой. Его и за человека не считают.

- Как это - пустой?

- А так. Ежели у тебя нету своей книги, значит, ты не настоящий. Пришлый, может, или того хуже - листорез.

- Листорез? - Виктор Павлович насторожился. Кто это?

Старуха перекрестилась:

- Типун тебе на язык. Не поминай нечистого. Листорезы - это которые буквы воруют. Из книг вырезают. У человека книгу украдут - и человек пропадает. Без букв он никто.

Виктор Павлович хотел расспросить подробнее, но старуха вдруг поднялась:

- Ты тут сиди, а мне по хозяйству надо. Кот придёт - сам тебя найдёт.

И ушла во двор, оставив его одного.

Виктор Павлович сидел в избе, пил травяной чай и думал о том, что она рассказала. Листорезы. Кража букв. Пропавшие люди. В прошлый раз он не придавал значения её словам - слишком ошеломлён был встречей с Боней. Теперь же они звучали иначе.

Он вышел на крыльцо. Солнце поднялось выше, высушило росу. Дорога уходила вдаль, к виднеющейся вдалеке колокольне.

Виктор Павлович вернулся в избу, взял книгу (она каким-то образом снова оказалась у него в руках - стоило подумать о возвращении), закрыл глаза и сосредоточился. Когда он открыл их, он стоял на том же крыльце, но книга исчезла. Вернее, она стала частью его - он чувствовал её где-то внутри, как второе сердце.

- Интересно, - сказал он вслух. - Значит, можно здесь жить, не держа книгу в руках. Главное - помнить, что ты из неё пришёл.

Он зашагал по дороге к колокольне. Шёл долго - время здесь ощущалось иначе. Солнце поднялось высоко, стало жарко, хотя утром было прохладно.

Дорога привела его к городу. Город оказался именно таким, каким описывался в книге: деревянные дома с резными наличниками, пыльные улицы, лавки с вывесками, собор с золотыми куполами. Люди сновали туда-сюда, кто-то вёз телегу с сеном, кто-то нёс вязанку дров, торговки зазывали покупателей у лотков с пирожками. Виктор Павлович пошёл по главной улице, разглядывая прохожих. И тут он заметил странность: почти у каждого в руках была книга. Не газета, не свёрток - именно книга. Купец в дорогой шубе нёс толстый том в кожаном переплёте. Мальчишка-подмастерье сжимал потрёпанный томик. Даже нищий у церковной ограды держал на коленях раскрытую книгу, хотя, судя по его виду, читать он не умел.

- Это что же, у вас все с книгами ходят? - спросил Виктор Павлович у проходящей мимо женщины с корзиной.

Та посмотрела на него с подозрением:

- Ты что, чужой? Не знаешь разве? Кто без книги, тот пустой. Пустого любой обидеть может. Или листорезы утащат.

- А где можно книгу взять?

Женщина окинула взглядом его пальто, его городской вид, его пустые руки.

- Ты, я гляжу, издалека. Книгу в лавке купи, в церкви попроси, аль у станового. У него много, он раздаёт.

- Станового?

- Пристава Аполлона Григорьевича. Его все знают. Вон там, за собором, синий дом с мезонином.

Женщина ушла. Виктор Павлович задумался. Становой пристав - тот самый, что мерещился ему в первую встречу, когда он только попал в этот мир? Или это другой? Он тогда,

встретил старика, а не пристава. Значит, пристав - новый человек. Надо идти. Он пошёл к синему дому.

Дом с мезонином оказался двухэтажным, крепким, с резными ставнями и крыльцом, на котором дремал рыжий пёс. Пёс открыл один глаз, посмотрел на Виктора Павловича, зевнул и снова закрыл - свой, не опасный.

Виктор Павлович постучал. Дверь открыл молодой парень в картузе - видимо, рассыльный или сторож.

- Чего надо?

- Мне бы станowego пристава. Аполлона Григорьевича.

- А вы кто будете?

- Скажите, книжный странник. Может, поймёт.

Парень скрылся. Через минуту вернулся:

- Проходите.

Виктор Павлович вошёл. Внутри дом оказался обычным казённым помещением - столы, стулья, шкафы с папками. Пахло чернилами, табаком и ещё чем-то неуловимо знакомым - кошачьей мятой? Он пригляделся: на подоконнике сидел кот. Чёрный, не Боня. Но миска рядом была именно с кошачьей мятой.

- Проходите, проходите, не стесняйтесь!

Из кабинета вышел человек. Лет сорока пяти, плотный, с пышными усами и добрыми глазами. В руках он держал раскрытого Гоголя.

- Аполлон Григорьевич, - представился он. - А вы, стало быть, тот самый книжный странник, про которого мне Федот докладывал? Тот, что из ниоткуда появился и в никуда исчез?

Виктор Павлович растерялся:

- Какой Федот?

- Да старик, что лапти плетёт у дороги. Он вас встретил, когда вы в первый раз объявились. Рассказывал потом всем - мол, явился человек в странной одежде, с книгой, говорил непонятно, а потом исчез прямо на глазах.

- Исчез? - Виктор Павлович вспомнил: да, он тогда закрыл книгу и вернулся домой. Для старика это выглядело как исчезновение.

- Вот-вот. Я так и понял, что вы книжный. Такие раз в сто лет приходят. Садитесь, рассказывайте.

Они сели в кабинете, за большим дубовым столом. Аполлон Григорьевич налил чаю из самовара, пододвинул баранки.

- Давно у нас не было книжных, - сказал он задумчиво. - Последний, говорят, при царе Александре Втором появлялся. Пожил с месяц и ушёл. В книгу свою ушёл, как вы. А вы надолго?

- Не знаю, - честно ответил Виктор Павлович. - Я, собственно, кота ищу.

- Кота?

- Рыжего. Моего. Он у меня был, потом умер, а теперь, кажется, здесь живёт. У старухи одной, на краю города.

Аполлон Григорьевич улыбнулся:

- Коты здесь часто из книг приходят. Не вы первый ищете. А как звать кота?

- Бонифаций. Но он откликается просто на Боню.

- Бонифаций, - пристав поката слово на языке. - Имя чудное, не наше. Ну да ладно. Помогу, чем смогу. Только вы мне сначала помогите.

- В чём?

Аполлон Григорьевич помрачнел. Встал, прошёлся по кабинету, остановился у окна.

- Люди пропадают, - сказал он тихо. - В уезде. Не просто так - исчезают те, у кого в карманах находят чистые листы. Без единой буквы. Понимаете?

Виктор Павлович насторожился:

- Это те, кто буквы ворует? Старуха мне говорила про листорезов.

- Да. Шайка, или наваждение - не пойму. Но факт: человек пропадает, а на месте, где он стоял, - чистый лист бумаги. Или в кармане у него такой лист оказывается. Будто кто-то вырезал из его жизни все буквы, все слова, всю память. И человек становится пустым. Исчезает.

- В смысле - умирает?

- В прямом. Не найти, не докопаться. Был человек - и нет. И никто не помнит, какой он был. Только имя в формуляре остаётся.

- В формуляре?

Аполлон Григорьевич подошёл к шкафу, достал толстую книгу в кожаном переплёте:

- У нас каждый человек приписан к книге. С рождения ему дают томик - сказки там, или псалтырь, или жития святых. Он с этой книгой живёт, читает, носит с собой. Когда умирает - книга в архив сдаётся. А если пропадает - формуляр остаётся, а книги нет. И человека нет.

Виктор Павлович смотрел на формуляр и не верил своим глазам. Это была точная копия библиотечных формуляров, с которыми он работал тридцать лет. Та же сетка, те же графы: фамилия, имя, дата выдачи, дата возврата. Только вместо книг - люди.

- И много пропало?

- Трое за последний месяц. Купец Скорняков, мещанин Бубнов, крестьянка Фёкла с хутора. Всех объединяет одно: перед исчезновением их видели с чистыми листами. То есть без книг. Пустые.

Аполлон Григорьевич сел напротив Виктора Павловича, посмотрел ему в глаза:

- Вы книжный странник. Вы из другого мира, из другой книги. Вы видите то, чего мы не видим. Помогите найти листорезов. А я помогу вам найти кота.

Виктор Павлович молчал. В голове крутились мысли: «Я библиотекарь, а не сыщик. Я книги выдаю, а не преступления раскрываю. Зачем мне это?» Но потом он вспомнил Боню. Его зелёные глаза. Его тёплую шерсть. И понял, что выбора нет.

- Хорошо, - сказал он. - Я попробую.

Начали они с осмотра места последнего исчезновения. Крестьянка Фёкла пропала три дня назад, по дороге с ярмарки. Аполлон Григорьевич выдал Виктору Павловичу лошадь - смешную мохнатую лошадку, на которой Виктор Павлович не ездил никогда в жизни, но делать нечего - пришлось, сел, кое-как удержался и поехал.

Дорога шла через поле, потом через лесок. Аполлон Григорьевич ехал рядом и рассказывал:

- Фёкла была женщина одинокая, лет сорока. Жила на хуторе, держала коз, продавала молоко на ярмарке. Книгу свою носила всегда при себе - «Жития святых», потрёпанная такая, ещё от матери досталась. В день исчезновения поехала на ярмарку, продала молоко, купила соли и спичек - и пропала на обратной дороге. Телегу нашли в лесу, козы разбежались, а в телеге - чистый лист.

- А книгу её нашли?

- Нет. Только лист. Чистый, без единой буквы.

Они доехали до леса. Телега стояла там же, где её нашли, - съехавшая в кювет, с переломанным колесом. Виктор Павлович слез с лошади, подошёл. Телега как телега - деревянная, старая, с мешком соли и пачкой спичек внутри.

- Можно посмотреть тот лист?

Аполлон Григорьевич достал из-за пазухи сложенный вчетверо лист бумаги. Обычная писчая бумага, чуть желтоватая, в клеточку. Чистая. Виктор Павлович взял её, повертел, поднёс к свету. Ничего.

- А на ощупь? - спросил он сам себя.

И провёл пальцем по бумаге. И замер. Под пальцами что-то было. Едва заметные выпуклости, как шрифт Брайля для слепых. Он закрыл глаза, провёл ещё раз - и вдруг понял, что читает. Не глазами - пальцами.

«...и пошла Фёкла дорогой, и встретила человека в чёрном, и спросил он: „Где книга твоя?“ А она ответила: „Вот она, при мне“. А он сказал: „Покажи“. И она показала. И тогда он...»

Дальше было пусто.

Виктор Павлович открыл глаза. Аполлон Григорьевич смотрел на него с удивлением:

- Вы что, читаете?

- Кажется, да, - ответил Виктор Павлович. - Здесь написано, что она встретила человека в чёрном. Он спросил про книгу, она показала, и дальше - пусто.

- Человек в чёрном, - повторил пристав. - Это уже кое-что. Никто из свидетелей его не видел.

- А кто был на ярмарке? Кто мог видеть Фёклу?

- Да полгорода. Ярмарка - дело людное. Но никто не запомнил ничего особенного. Фёкла продала молоко, купила соль, поговорила с торговкой пирожками и поехала обратно.

- С торговкой? - Виктор Павлович оживился. - Где она?

- Так на ярмарке. Марфа, пирожками торгует. Она каждый день там.

- Едем к ней.

Марфа оказалась полной румяной бабой лет пятидесяти, с цепким взглядом и быстрыми руками. Она лепила пирожки прямо на глазах у покупателей - ловко, скоро, без остановки.

- Фёклу? - переспросила она, когда Аполлон Григорьевич задал вопрос. - Как же, помню. Хорошая баба, правильная. Всегда у меня пирожок брала. В тот день тоже взяла, с капустой. И говорит: «Марфа, пирожки у тебя нынче особенно вкусные». А я ей: «Тесто нынче удалось, на козьем молоке». Она посмеялась и пошла.

- А с ней никто не разговаривал? Человек в чёрном?

Марфа задумалась:

- Человек... Был один. Я ещё подумала: чудной какой-то. Вроде и одет прилично, сюртук, шляпа, а лица не видать. Так, в тени держался. Он к Фёкле подходил, когда она от меня отошла. Поговорили о чём-то недолго, и она дальше пошла.

- И что за человек?

- А кто ж его знает. Не здешний, это точно. У нас таких нет. Может, из губернского приехал.

Виктор Павлович слушал и чувствовал, как внутри закипает странное волнение. Человек в чёрном, лица не видать, спрашивает про книгу... Это было слишком похоже на то, что он читал на листе пальцами.

- А вы не заметили, у него книга была?

Марфа удивилась:

- Книга? У всех книга. А у него... не помню. Вроде была. Или нет. Запомняла.

Они поблагодарили Марфу и отошли. Аполлон Григорьевич был мрачен:

- Мало. Слишком мало. Человек в чёрном - это может быть кто угодно. А лицо не разглядели - так это осенью всегда тени.

- Осенью? - переспросил Виктор Павлович и только тут заметил, что на деревьях жёлтые листья. В его мире был ноябрь, здесь - тоже осень, но какая-то другая, более яркая, золотая. Время здесь шло по своим законам.

- Осень, - подтвердил пристав. - Середина сентября. А что?

- Ничего. Время года совпадает. Это хорошо.

Виктор Павлович задумался. Если человек в чёрном появляется на ярмарке, значит, он местный или часто здесь бывает. Если он спрашивает про книгу, значит, ему нужны именно книги, а не люди. А если люди пропадают после встречи с ним...

- Слушайте, - сказал он вдруг. - А где сейчас тот лист, который нашли у Фёклы? Чистый.

- У меня, - Аполлон Григорьевич похлопал себя по карману. - Вот он.

- Дайте ещё раз.

Пристав протянул лист. Виктор Павлович снова провёл пальцем. На этот раз он читал внимательнее, стараясь не пропустить ни одной выпуклости:

«...и встретила человека в чёрном, и спросил он: „Где книга твоя?“ А она ответила: „Вот она, при мне“. А он сказал: „Покажи“. И она показала. И тогда он взял книгу и вырвал из неё страницу. И Фёкла закричала, и голос её стал тише, и она сама стала меньше, и потом исчезла совсем. А страница осталась у него в руках, и он положил её в карман, а на место Фёклы положил чистый лист...»

- Он вырывает страницы, - сказал Виктор Павлович вслух. - Понимаете? Он не просто крадёт книги. Он вырывает из них страницы. И человек исчезает. А страница остаётся у него.

- Зачем? - Аполлон Григорьевич был потрясён.

- Не знаю. Может, собирает коллекцию. Может, делает что-то с этими страницами. Нам нужно найти, где он живёт. Или где останавливается.

Пристав покачал головой:

- Легко сказать - найти. У нас уезд большой. А он, может, уже в другом городе.

- Нет, - Виктор Павлович вдруг понял это с какой-то странной уверенностью. - Он здесь. Он не уйдёт, пока не соберёт все книги, которые ему нужны. А ему нужны не простые книги. Ему нужны книги людей. Личные. Те, с которыми человек живёт всю жизнь. В них сила.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.